

К ИСТОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ГЕНИТИВА

Родительный падеж в древних индоевропейских языках в огромном большинстве случаев обозначал лицо, часто являясь определением имени с процессуальным значением. Последнее обычно прослеживается и в именах-определяемых с предметным или абстрактным значением. Очевидно, таким образом, что в дописменный период генитивные конструкции в индоевропейских языках в подавляющем большинстве случаев представляли сочетания генитива лица с именем действия.

Древнехеттские тексты еще отражают то состояние, когда генитив лица мог образовываться вместе с определяемым именем обособленные конструкции, эквивалентные обычным простым предложениям, входящим в состав сложного; такие генитивные конструкции были функционально тождественны сочетаниям с именем деятеля при глаголе. Важно подчеркнуть, что определяемые в указанных конструкциях являлись существительными на *-r/nt*¹. Синтаксический анализ подтверждает в данном случае как известное положение о генетической близости именных и глагольных образований на **-r/nt*, так и гипотезу Н. Ван-Вейка о происхождении генитива на **(e/o)s* из активного падежа². Однако стремление Н. Ван-Вейка увидеть черты древнейших эпох в приглагольном употреблении партитивного генитива необосновано: приглагольный генитив не может быть общиндоевропейским уже потому, что он отсутствует в ряде архаичных языков, например в том же хеттском.

Развитию категории рода в общиндоевропейском языке предшествовал, очевидно, процесс редукции безударных гласных в образованиях типа *сёсес*, *сёсёс*, *сёсёсес*, давших соответственно *сёс*, *сёсё*, *сёсёс*, например **gēneu > *gēnu > лат. genū*; **genēu > *gneu > гот. kniū*; **gʰenēnet > др.-инд. ghnānt*. Далее от существующих образований, в том числе и от корневых имен *сес*, развиваются производные на *-ес*, в частности, одушевленный род на **-s*, причем одушевленный род основ на **-i/u* образуется непосредственно от корня путем присоединения суффикса основы **-ei/u* и показателя рода **-s*, например **gen-eu-s*. В одушевленном роде развивается двупадёжная система. Роль семантического различителя играет ударение: появляются баритонный неактивный, или нейтральный, падеж и окситонный актив, причем неактив сближается структурно с именами неодушевленного рода, несущими ударение на первом слоге. В результате такого распределения ударений происходит новая редукция безударных гласных: формы *(с)сёсес* дали *(с)сёс* [в одушевленном роде еще и *(с)сёсёi/uc > (с)сёсi/uc*, см. выше], соответствующие окситонные формы дали *(с)сёсёс*. Так, в неодушевленном роде **lǵékʷer > lǵékʷr > греч. ἵπας*; **Hnémen > Hnēm̄n > др.-инд. nāman* и т. д.; в одушевленном роде: **gʰhēnes: *gʰhēnēs > *ghēns: gʰhēs > др.-инд. -hā: -ghnās; *stēHes: *stēHēs > *stēHs: stHēs > др.-инд. -sthā: sthās; *uēghs > др.-инд. -vāi: ūhas; *dhghēms: *dhghmēs > др.-инд. kādās (ср. kāmī): kāmās; *ghīēms: *ghīmēs > авест. zūā: др.-инд. himās; gēHus: *gHēus > др.-инд. gāus: gōs; ср. dyāus: dyōs*.

Что касается образований типа *(с)сёсес*, то баритонные формы дали *(с)сёсёс* без удлинения *e*, окситонные либо дали *(с)сёсёс*, либо остались неизменными в зависимости от того, было ли первое из центральных с сонантом или нет. Так, **gʰhēntes: *gʰhēntēs > gʰhēnts: gʰhēntēs > др.-инд. ghnānt: ghnātās; *-i/u-основы: *sēuēns: *seuēns > *sēuēns; sunēus > др.-инд. sūnūs: sūnōs; *HēuHēis: *HēuHēis > *HēuHēis: *HuHēis > лат. avis: др.-инд. vēs; но: satrus: satros*. Таким образом, редукция не повлияла на структуру актива ряда *-ес*-основ. В дальнейшем окситонный актив вновь развивается и у основ на *-ес*. Возможно, противопоставление падежных форм *сёсес*: *сёсёс* оказалось нарушенным не только в результате редукции, но и вследствие развития типа *сёсес* в неодушевленном роде. Здесь появились многочисленные имена на **-es*, параллельные формам на **-en*, **-ei*, **-er*, например, **nēbhes: *nēbhel > хет. nepiš*; греч. νεφέλ; ср. также др.-инд. āhas, āhar, āhan. Очевидно, в эту эпоху развивается противопоставление ударных и безударных

¹ Имена на *-r/nt* употреблялись и в других обособленных конструкциях, причем значение конкретного действия часто оказывалось утраченным (см. F. Sommer, A. Falkenstein, Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattušili I (Labarna II). München, 1938, стр. 70).

² См.: N. van Wijk, Der nominale Genitiv singular im Indogermanischen in seinem Verhältnis zum Nominativ, Zwolle, 1902, стр. 96.

гласных $\acute{e}$: $\acute{o}$, которое, впрочем, четко не проводилось: $*n\acute{e}bhes \rightarrow *n\acute{e}bh\acute{o}s$ и $*n\acute{e}bhes$ (ср. греч. $\acute{\epsilon}\phi\acute{o}\varsigma$ и хет. $n\acute{e}r\acute{i}\acute{s}$). Все эти процессы привели к тому, что противопоставление падежей в одушевленном роде приняло следующий вид: $(c)\acute{s}\acute{e}/\acute{o}s$: $(c)\acute{s}/\acute{o}\acute{s}\acute{e}/\acute{o}s$, например, авест. $v\acute{a}ks$, лат. $v\acute{o}x$; др.-инд. $vas\acute{a}s$, греч. (гом.) $\Gamma\omicron\pi\acute{o}\varsigma$; лат. $r\acute{e}x$, др.-инд. $r\acute{a}\acute{t}$; лат. $r\acute{e}g\acute{i}s$ (с обобщенным $\acute{e}$).

Возможность существования основы $\acute{s}/\acute{o}\acute{s}/\acute{o}$ привела к возникновению тематического типа имен, в котором, вследствие существующего нечеткого противопоставления падежных форм, появилась новая форма неактива на $*-m$. При единой в структурном отношении форме актива на $-\acute{e}/\acute{o}s$ обоих типов основ существовали теперь различные формы неактива: неактив на $*-s$ в атематическом и неактив на $*-m$ в тематическом типе. Окситонные образования, имевшие значение активного деятеля, развились впоследствии как в генитив субъекта, так и в номинатив имени деятеля при глаголе (значение генитива возникло вследствие субстантивации формы, означавшей действие). В атематическом типе актив дал генитив, неактив перешел в номинатив. Так как в тематическом типе в обеих функциях употреблялась одна форма, то с развитием категории генитива в отдельных языках он получает вторичное окончание $*-io$, отличающее его от номинатива. Первоначальная форма генитива в этом типе основ сохранена хеттским языком¹. Что же касается генитивов на $*-es$ среднего рода, то наиболее древние из них восходят к упомянутым гетероклитическим образованиям на $*-es$. Из соотношения др.-инд. генитив $ahnas$: номинатив-локатив $\acute{d}han$ «день, днем», полностью соответствующего соотношению др.-инд. $arnas$ «имущество», греч. $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{o}\varsigma$: хет. $\acute{h}arpin$ «богатый», ясно, что обнаруживающие древнее чередование генитивы гетероклитических основ не являются таковыми по происхождению, если только формы генитивов не развились по аналогии в более позднюю эпоху.

Не имели первоначально значения генитива и образования на $*-i$, $*-io$, $*(\acute{e})l$, $*-ne$, $*-xe$ и т. д., что, впрочем, не дает возможности предполагать происхождение данных генитивов из прилагательных. В конечном итоге эти формы восходят к образованиям с локально-темпоральным значением на $*-ei/i$, $*-el/l$, $*-en/n$, $*-eu/u$, пережитки которого сохранились в употреблении местоименных форм $*m^o/oi$, $*t^o/oi$, локативов, наречий. И прилагательное и генитив входят в ряд категорий, которые могли развиваться на основе этих образований; так, к указанным формам на $*-el/l$ восходят хеттский местоименный генитив на $-el$, этрусский генитив на $-l$, лидийский косвенный падеж на $-l$, хетто-лувийские притяжательные прилагательные на $-al$, прилагательные на $-i$ и наречия на $-l(i)$ в целом ряде языков. Анализ текстов показывает, что значение генитивов у форм на $-i$, $-l$ и т. д. развилось на основе употребления этих форм в трехчленных конструкциях, в которых данные образования относились одновременно и к имени, и к глаголу. На основе таких конструкций развились генитивы на $-i$ в итало-кельтском языковом союзе, близкие генетически и функционально i -предикативам в индо-иранских, славянских и других языках. Из трехчленных конструкций с формой на $-i$ при имени и глаголе развились как сочетания с наречием на $-li$, например в линкийском языке, так и генитивные конструкции в хеттском языке². Безусловно древним и свойственным всем языкам было употребление генитива в качестве предикатива, что полностью подтверждает высказанное выше предположение. В трехчленных конструкциях употреблялись лишь глаголы $*bhes$, $*es$, $*k^er$ ³; общее значение конструкции было, таким образом, «становиться, быть, делать(ся) относящимся к тому, что обозначено исходным для суффиксальной формы образованием». Разумеется, первоначальное значение конструкции было гораздо более конкретным; это ясно, в частности, из исходного значения глагола $*bhes$ «расти».

Очевидно, в эпоху диалектального членения языка-основы возникли генитивы на $-\acute{e}/\acute{o}s$ имен одушевленного рода, что явилось результатом переосмысления значения активного падежа. С развитием категории генитива в качестве форм этого падежа начинают употребляться также и некоторые образования на $*-es$ в среднем роде, первоначально обычные имена на $*-es$. В процессе переосмысления значений именных и местоименных производных на $*-i$, $*-l$, $*-io$, $*-ne$, $*-xe$ образовались как генитивы, так и номинативы существительных и прилагательных, а также формы наречий и местоимений⁴.

В. В. Шеворошкин

¹ О генитиве e/o -основ см. J. K n o b l o c h, Zur Vorgeschichte des idg. Genitivs der o-Stämme auf -sjo, «Die Sprache», Bd. 11, Hf. 3, Wien, 1951; впрочем, в данном случае доказательства, основанные на типологических сопоставлениях, едва ли необходимы.

² О родстве линкийского $ebeli$ «там» и хет. генитива $ar\acute{e}l$ «того» см. E. B e n v e n i s t e, La flexion pronominale en hittite, «Language», vol. 29, № 3, 1953, стр. 256.

³ См., например, J. W a c k e r n a g e l, Genitiv und Adjektiv, «Mélanges de linguistique offerts à F. de Saussure», Paris, 1908.

⁴ Поздно развилось значение генитива мн. числа и у образований на $*-dm$, первоначально имен с экспрессивным значением. Это последнее было связано с удлинением корневого или суффиксального гласного как в именных, так и глагольных образованиях.